

RECENZIJOS

Valentin Kiparsky, *Russische historische Grammatik*, Heidelberg: Band I (Die Entwicklung des Lautsystems), 1963, 171 p.; Band II (Die Entwicklung des Formensystems), 1967, 288 p.

Профессор Хельсинкского университета Валентин Кипарский имеет большие заслуги перед индоевропейским, угрофинским и прежде всего славянским и балтийским языкознанием. Отрадно на страницах „Baltistica“ подчеркнуть значительный вклад этого ученого в изучение балтийских языков¹ — их истории, этимологии, балто-финских, балто-славянских, балто-германских языковых контактов. О большом интересе В. Кипарского, хорошего знатока балтийских языков, к нашему языкознанию говорит и его сотрудничество в наших „Baltistica“, для которых он оказал честь — опубликовал целый ряд своих интересных статей².

В. Кипарский со знанием дела использует балтийский языковой материал и в своих небалтистических, прежде всего славистических, работах. Это относится и к его „Русской исторической грамма-

¹ Вспомним хотя бы следующую его балтистическую капитальную работу: V. Kiparsky, *Die Kurenfrage*, Helsinki, 1939, 474 стр. (= *Annales Academiae Scientiarum Fennicae*, XLII).

² *Baltistica* IV (1968) — „Par latviešu vardu dukte „laivas detale“, „Das Schicksal eines altpreußischen Katechismus“, „Vorchristliches im altpreußischen Kalender“; *Baltistica* V (1969) — „Das Nominativobjekt des Infinitivs im Slavischen, Baltischen und Ostseefinnischen“; *Baltistica* VI (1970) — „Das Schicksal eines altpreußischen Katechismus (II)“; *Baltistica* IX (1973) — „О балтизмах русского литературного языка“.

тике“. Уже по этой причине „Грамматика“ В. Кипарского вызывает интерес и у балтистов.

„Русская историческая грамматика“, как указывает сам автор, является прежде всего учебным пособием для студентов русской филологии, уже прошедших курс введения в старославянский или праславянский язык. Вместе с тем „Грамматика“ — это солидный исследовательский труд, сжато освещающий историческую фонетику (I том) и морфологию (II том) русского языка с учетом новейших достижений как самого русского и всего славянского, так и общего языкознания. Кстати, в мировой славистике данная „Грамматика“ уже получила весьма высокую оценку.

Первому тому предпослана обширная вводная часть (стр. 7–74), состоящая из нескольких разделов. В предисловии (стр. 7–10) подчеркивается необходимость освещения звуковой эволюции русского языка на основании методов структурных, а не традиционных (младограмматических); тут же в общих чертах говорится о фонеме, ее вариантах (аллофонах), фонологических противопоставлениях.

После краткого „Введения“ (стр. 11–12) следует раздел под названием „Восточнославянский“ (стр. 13–18). Распад общеславянского, по мнению автора, начался вскоре после того, как в 375 г. гунны разрушили готское государство Германариха. Что касается славянской прародины, то она „sich etwa zwischen den Karpaten, den Rokytno-Sümpfen und dem mittleren Lauf

des Dnepr befand“ (стр. 13). Автор подчеркивает, что восточнославянское заселение балтийских территорий Верхнего Поднепровья произошло в VI—VII в.в. Распад восточнославянского на русский и украинский В. Кипарским относится к эпохе не ранее 950 г.; по своему возрасту белорусский же несколько уступает украинскому языку (стр. 18). Что касается употреблявшегося в Великом Княжестве Литовском т. н. западнорусского канцелярского языка (XIV—XVII в.в.), то его развитие происходило независимо от московского русского койнэ (стр. 17—18); причем этот канцелярский язык нельзя рассматривать как основу для современных письменных белорусского или украинского языков (стр. 18).

В последующих трех разделах (стр. 19—74) идет речь о распространении русского языка, его диалектах, о письменных его памятниках (начиная с древнейшего — Остромирова евангелия, восходящего к середине XI в.) и т.п.

С разделом „Прарусский“ начинается изложение исторической фонетики русского языка. Осмотрительно возражая А. Карльгрену³, В. Кипарский поддерживает известное мнение, согласно которому названия днепровских порогов *Неасѣт* (= *неясить* < **nejesytb*), *Веробѣтѣ* (= *вбручи* < **vbrotji*) свидетельствуют о том, что около 950 г. в восточнославянском уже не существовало носовых гласных (стр. 75 сл. сл.). Для более древней восточнославянской эпохи автор допускает долгие и краткие носовые гласные, ссылаясь на славянские заимствования в литовском и финском языках (стр. 80 сл.)⁴. Приводится дополни-

тельный аргумент (стр. 84) в пользу того, что переход *tl, dl > l* (ср. русс. *мыло* — польск. *mydło*) произошел не позднее VII в. Указывается, что, напр., в псковских памятниках XIV—XVI в.в. обнаруживаются случаи перехода сл. *dl >* русс. *gl* (*повегли* „повели“ < *поведли* и др.), ср. лит. *ėglė* = лтш. *egle* < **edlė* (стр. 84, 129 сл.). Вокализацию и исчезновение восточнославянских редуцированных гласных (*ъ, ь*) относит к XII в. (стр. 98). Автор уже давно⁵ считает, что восточнославянский звук, обозначаемый кирилловской буквой В, был не лабиодентальным (как в современном русском языке), а билабиальным (стр. 131 сл.). Весьма полезной является приложенная „Хронологическая таблица“ (стр. 153 сл.), в которой обобщены вышеотмеченные и другие даты соответствующих фонетических изменений в восточнославянских языках. Данная „Таблица“, составленная прекрасным знатоком истории славянских языков, представляет интерес и для балтистов, изучающих проблемы контактирования балтийских и восточнославянских языков.

Так же с большим знанием дела написан и II том „Русской исторической грамматики“ В. Кипарского, показывающий, как морфологическая субстанция и морфологическая структура праславянского развивались в русском языке до современного состояния. Словообразование автором сознательно опускается. „Аспектная морфология“ привлекается только в тех случаях, в которых она оказывается полностью „грамматикализованной“.

³ А. Karlgren, *Dnjeprofossernes nordisk-slaviske Navne*, København, 1947.

⁴ См. его более ранние работы: V. Kiparsky, *Chronologie des relations slavobaltiques et slavofinnoises*, — RESI XXIV (1948) 29—47; его же, *The Earliest Contacts of the Russians with Finns and Balts*, — Oxford Sla-

vonie Papers, III (1952), 67—79; его же, *Suomalaislaavilaisten kosketuksien ajoituksesta*, — Virittäjä, 1956, 71—82; его же, () хронологии славяно-финских лексических отношений, — ScSl IV (1958) 127—136.

⁵ V. Kiparsky, *Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen*, Helsinki, 1934, 287, 291.

Почти четверть II тома отведено рассмотрению истории склонения русских имен существительных, которые распределены не по основам, а по трем родам — мужскому, женскому и среднему. В класс существительных мужского рода включены имена, оканчивающиеся на согласный или на *-й* (оговариваются исключения). Далее, следует класс существительных среднего рода на *-о* и *-е* и, наконец, — класс существительных женского рода на *-а*, *-я*, на смягченный согласный и твердый шипящий. Поскольку автор тут исходит не из праславянского, а из современного русского языка, то подобное распределение русских склонений является вполне оправданным. После раздела, посвященного именному склонению прилагательных, пространно говорится о роли „беглых“ гласных *о* и *е* (случай русс. *сон* — *сна*, *день* — *дня* и т. п.). Хорошо освещается история склонения местоимений, прилагательных, числительных. Со знанием дела изложена так же история *verbi finiti* и *verbi infiniti*; что касается классификации русских глаголов, то предпочитается пятиклассная система Лескина. Автор справедливо подчеркивает, что, в противоположность именному и местоименному словоизменению, глагольное словоизменение в русском языке сохранило гораздо меньше праславянских черт.

Весьма полезны таблицы, ко II тому приложенные, резюмирующие историю русского именного склонения. Находим и указатель определенного количества русских слов, использованных в этом же томе. В обоих томах „Русской исторической грамматики“ имеются подробные библиографические указатели, в которых имеется шестнадцать очень важных трудов самого автора. Последнее обстоятельство еще раз говорит о больших заслугах нашего ученого перед славянским языкознанием.

Давая высокую оценку „Русской исторической грамматике“ В. Кипарского, хотелось бы высказать свое мнение по по-

воду некоторых вопросов, связанных с проблематикой славянских и балтийских языковых реконструкций. Тут мы полностью отдаем себе отчет в том, что само исследование таких реконструкций не входит в план данной „Грамматики“ и, по сути дела, не влияет на ее качество. Однако наряду с тем необходимо подчеркнуть, что в этой „Грамматике“ все же нередко привлекаются подобные реконструкции, позволяющие составить себе довольно ясную картину относительно того, какая точка зрения у автора „Грамматики“ в области исследований соответствующих славянских и балтийских языковых реконструкций.

Автор „Грамматики“ придерживается мнения тех славистов, которые считают, что в консонантной закрытости конца слова (= в КЗ-позиции) праславянские **о* и **ā* должны были бы дать ст.-сл. *о* и *а* также, как и во всех остальных позициях слова (см., напр., II, 25, 92). Однако обоснование такой гипотезы — того, что фонетическая эволюция этих же праславянских гласных должна была бы быть совершенно одинаковой во всех позициях слова, затрудняется, во-первых, следующим обстоятельством: по мнению автора, ст.-сл. *-у* может восходить к **-ōs⁶* (КЗ-позиция для **ō*)⁷. И такое мнение, — то, что древний сл. **-ōs* переходил в (сл. **-ūs* >) ст.-сл. *-у*

⁶ Это, как мы понимаем, вытекает из следующих слов автора: „... ein urslav. **nu* [„мы“ — им. п. мн. ч. — *B. M.*]... das dem lat. *nōs* [им. п. мн. ч. — *B. M.*] *entspräche*“ [II, стр. 136 (подчеркнуто нами и разрядка наша. — *B. M.*)].

⁷ Случай КЗ-позиций для праславянских гласных, следовательно, и для гласного сл. **ō* определяются, по нашему мнению, только исходом слова. Однако все это составляет отдельную проблему, относительно постановки (не претендуем на решение!) которой см.: V. Mažiulis, *Baltų ir kitų indoeuropiečių kalbų santykiai*, Vilnius, 1970, 26—72 (passim).

нам (и не только нам) представляется совершенно вероятным⁸. Такое мнение означает, разумеется, принятие и того, что праславянский **ō* мог развиваться в ст.-сл. *a* не во всех позициях в слове. Но тогда возникает вопрос (на который не может дать ответа гипотеза, принимаемая и автором „Грамматики“): почему же праславянский **ō* в КЗ-позиции развивался иначе чем в других позициях (напр., ст.-сл. *dati* < **-ō-* = лит. *dūoti*)⁹, а эволюция праславянских **ā* и **ō* оказалась одинаковой

⁸ См. следующую сноску.

⁹ Правда, некоторые ученые, придерживающиеся того, что в КЗ-позиции праславянские **ā* и **ō* перешли в сл. *a* и *o*, считают, что и праславянский **ō* в той же позиции перешел только в сл. *a*, — см., напр.: P. Aruma, *Urslavische Grammatik*, I, Heidelberg, 1964, 114; В. И. Георгиев, Основни проблеми на славянската диахронна морфология, София, 1969, 40. Основным балто-славянским аргументом, якобы свидетельствующим о сл. **-ōs* > сл. *-a*, П. Арума считает сл. (*jedz*)-*va* = лит. *võs*, в том и другом случае восстанавливая и.-е. **-ōs* (P. Aruma, l.c.). Не вдаваясь здесь в детали такой гипотезы, кратко отметим, что лит. *võs*, по всей видимости, восходит не к и.-е. **-ōs*, а к лит. (или балт.) **vā* (= сл. *-va*), „по-литовски“ (во всяком случае, — не „по-индоевропейски“!) удлинению из **vā* (= лит. *va*, см. К. Vūga, RR I 328, II 46 сл.), с позднее к этому **vā* добавленным *-s* (ср. и К. Vūga, RR I 328, где при сравнении с русск. *-va* для лит. *võs* отделяется *-s*). В. И. Георгиев против гипотезы, допускающей переход сл. **ō* > сл. *u* в КЗ-позиции, в качестве первого аргумента приводит то, что из и.-е. **-ōd* получилось ст.-сл. (*-vlъk*)-*a* (В. И. Георгиев, l.c.), а не, напр., **(vlъk)*-*u* (род. п. ед. ч.). Однако такого типа аргументы здесь неуместны: как подсказывают соответствующие балтийские данные, исходный и.-е. **-d* (**-t*) в балто-сла-

во всех позициях? Далее, если принять одинаковость эволюции праславянского **ā* во всех позициях, то останется вряд ли объяснимым генезис, напр., *ā*-основного ст.-сл. *-u* (род. п. ед. ч.), на наш взгляд, не без основания многими славистами возводимого к сл. **-ās* (см. ниже). Правда, автор „Грамматики“ данное ст.-сл. *-u* выводит не из **-ās*, а из *-āns* (стр. 83 сл.), сопоставляя его с гот. (*qin*)*ōns* (род. п. ед. ч.). Однако такое возведение ст.-сл. (*žen*)-*u* (род. п. ед. ч.) — гипотеза Й. Микколы (которой придерживается автор) вряд ли доказуема. В этой же связи можно привести вполне резонные слова В. И. Георгиева: „Предположение на Й. Микола слав. *ženy* = гот. *qinōns* род. пад. от *qinō* „жена“ е невозможно, понеже в готски *-ōns* е морфема на

вянском исчез очень рано — гораздо раньше исходного и.-е. **-s*, существовавшего в праславянском сравнительно долго в качестве, можно сказать, единственного согласного в исходе слова, — об этом подробнее см. V. Mažiulis, op. cit., 34 (сноска № 1), 72 (сноска № 3). Что касается возведения В. Георгиевым (l.c.) и другими учеными ст.-сл. (*d*)*a* (2 л. ед. ч. аор.) к и.-е. **-ōs*, то это так же не является бесспорным, см. В. Н. Топоров, — ВСЯ V 66 сл.; его же, — Intern. Journal of Slavic Linguistics and Poetics, V, 48 сл. Следовательно, В. И. Георгиев не привел ни одного надежного примера с праславянским **ō* в КЗ-позиции (исход слова, — см. сноску № 7), т. е. не привел ни одного веского аргумента против гипотезы, согласно которой праславянский **ō* в КЗ-позиции перешел в сл. (**ū* >) *u*. О том, что гласный сл. **ō* в древнем праславянском сравнительно долго существовал, а так же о том, почему случаи КЗ-позиций (исход слова!) для него были, в действительности, очень редкими, см. V. Mažiulis, op. cit., 26—72 (здесь же говорится об этих же случаях, — в них праславянский **ō* перешел в сл. *u*, а не в сл. *a*).

n-основи, ср. гот. *tuggō* „язык“, род. пад. *tuggōns* (*n*-основа), обаче *giba* „дар“, род. пад. *gibōs* (*ā*-основа)¹⁰. Как известно, по поводу генезиса ст.-сл. (*žen*)-у (род. п. ед. ч.) выдвинуто и ряд других гипотез, которые, однако, все подвергнуты серьезному сомнению, напр., П. С. Кузнецовым¹¹ и В. И. Георгиевым¹².

Правда, В. И. Георгиев предлагает свою — новую гипотезу¹³, согласно которой окончание ст.-сл. (*žen*)-у (род. п. ед. ч.) восходит к *-*ūd*, сюда пришедшему из *ū*-основного аблатива ед. ч. — балт.-сл. *-*ūd*¹⁴. Однако и данная гипотеза не является сильной. Более того, она представляется менее убедительной чем, напр., даже указанная гипотеза Й. Микколы: 1) последняя хотя бы ссылается на определенный факт германских языков (на гот. *qin-ōns* род. п. ед. ч.), т. е. таких индоевропейских языков, которые, по мнению самого В. И. Георгиева¹⁵, теснее всего генетически связаны с балто-славянскими языками, 2) гипотеза же В. И. Георгиева допускает такую аблативную форму (ед. ч.) — такое *ū*-основное балт.-сл. *-*ūd*, на существование которого не намекают никакие данные ни балтийских (тем более — ни славянских), ни германских, ни индоиранских языков. К последним же двум группам индоевропейских языков балто-славянские языки генетически гораздо ближе чем к итальяским¹⁶, из которых болгарский

¹⁰ В. И. Георгиев, *op. cit.*, 88.

¹¹ П. С. Кузнецов, *Очерки по морфологии праславянского языка*, Москва, 1961, 73 сл. сл.

¹² В. И. Георгиев, *op. cit.*, 87 сл.

¹³ П. С. Кузнецов оставляет данную проблему открытой, см. П. С. Кузнецов, *op. cit.*, 88.

¹⁴ В. И. Георгиев, *op. cit.*, 88 сл.

¹⁵ В. Георгиев, *Исследования по сравнительно-историческому языкознанию*, Москва, 1958, 237.

¹⁶ В. Георгиев, *l. c.*

ученый и восстанавливает балт.-сл. *-*ūd*, при этом не приводя особых аргументов против того, что латинское *-ūd* (*u*-основный абл. ед. ч.) принято считать латинским (или итальянским?) нововведением¹⁷. Не вдаваясь в подробности гипотезы В. И. Георгиева, еще отметим, что она является спорной и в отношении интерпретации фактов исторической фонетики и морфологии балтийских языков¹⁸. Хотя гипотеза болгарского ученого и не является правдоподобной, однако его возражения¹⁹ (равно как и возражения П. С. Кузнецова²⁰) против всех более известных гипотез, пытающихся выяснить данную проблему, нам представляются достаточно вескими, за исключением тех возражений, которые им и рядом других ученых выдвигаются против гипотезы, генетически сопоставля-

¹⁷ См., напр., J. Safarewicz, *Historische lateinische Grammatik*, Halle (Saale), 1969, 160.

¹⁸ В поддержку соответствующих своих соображений В. И. Георгиев выводит окончание лит. (*vilk*)-о (род. п. ед. ч.) из *ā*-основного аблативного *-*ād*, опять-таки, исходя не из балто-славянских (и индоиранских языков), а по сути дела только из латинского. В последнее время достаточно убедительно доказано, что безударный лит. *o* может восходить к и.-е. **ō*, т. е. лит. (*vilk*)-о может восходить к и.-е. **ō(d)*; об этом подробнее см. J. Kazlauskas, *Lietuvių kalbos istorinė gramatika*, Vilnius, 1968, 108 сл. сл.; см. еще V. Mažiulis, *op. cit.*, 100 сл. сл. Далее, В. И. Георгиев считает, что окончание др.-прусс. (*deiw*)-as (род. п. ед. ч.) также позаимствовано у *ā*-основы, но это не доказуемо, — см. N. van Wijk, *Altpreußische Studien*, Haag, 1918, 77; J. Endzelins, *Senprūšu valoda*, Rīgā, 1943, 58; ср. V. Mažiulis, *op. cit.*, 97.

¹⁹ В. И. Георгиев, *Основни проблеми на славянската диахронна морфология*, София, 1969, 87.

²⁰ П. С. Кузнецов, *op. cit.*, 73—75.

ющей ст.-сл. (*žen*)-у (род. п. ед. ч.) с лит. (*galv*)-*ōs*. Последняя же гипотеза является не только наиболее популярной, но, по нашему мнению, и наиболее правдоподобной. Что касается выдвигаемых против нее возражений, то они обусловлены лишь тем, что история праславянской фонетики (тут имеем в виду, прежде всего, вокализм²¹), несмотря на усилия многих ученых, по сей день остается во многом темной, по крайней мере, — гораздо менее ясной, чем история прабалтийской фонетики²²; при этом мы считаем, что более заметный прогресс в изучении праславянской фонетики (и, вообще, — праславянского) зависит не столько от самой славистики и даже индоевропеистики, сколько от балто-славистики.

Еще одно замечание — по поводу истории окончания лит. (*nam*)-*iē* „дóма; (лит. жем.) дóма, домой“. Автор „Русской исторической грамматики“ возводит его к первоначальному *-*oi* (стр. 34) > балт. *-*ai*.

²¹ И еще важнее подчеркнуть: — вокализм конца слова.

²² Мы имеем в виду свои соображения по истории балто-славянского вокализма (см. V. Mažiulis, op. cit., 11—40), которые, разумеется, не лишены определенных пробелов. Однако все же продолжаем верить, что такие пробелы вряд ли снимают с повестки дня, по крайней мере, некоторые (хотя бы и весьма малочисленные) нами выдвигаемые вопросы. Правда, в адрес наших соображений, по которым во многом мы сходимся с Й. Казлаускасом, были выдвинуты соответствующие возражения Л. Бурвелом (см. *Baltic Linguistics, Pennsylvania*, 1970, 11 сл.сл.) и З. Зинкявичюсом (его же статья: О развитии балтийского вокализма, — *Балто-славянский сборник*, Москва, 1972, 5 сл.сл.); но эти же возражения также не лишены недочетов: о недочетах Л. Бурвела (частично совпадающих с недочетами З. Зинкявичюса) мы уже писали (см. *Baltistica VII* 101 сл.).

Такое возведение является мало популярным среди самих балтистов (они данное *-*ie* обычно возводят не к балт. *-*ai*, а к балт. *-*ei*), но среди славистов оно пользуется очень большой популярностью, которая частично предопределена и тем обстоятельством, что ст.-сл. (*rab*)-*ě* (местн. п. ед. ч.), генетически несомненно соотносимое с лит. (*nam*)-*iē*, явно восходит к сл. *-*oi*; а на основании последнего хотелось бы возводить и лит. (*nam*)-*iē* к балт. *-*ai*. Если даже согласиться с гипотезой, которая лит. *ie* возводит не только к *-*ei*, но и к *-*ai*, то и тогда было бы рискованно возводить лит. (*nam*)-*iē* только к балт. *-*ai* (=др.-прусс. *bīt-ai* „abends“, ст.-сл. *rab-ě*, гр. οἶκ-οι и т. п.), поскольку оно в равной мере может восходить также и к балт. *-*ei* (=др.-прусс. *qu-ei* „wo“²³, гр. οἶκ-ει и т.п.). Правда, при возведении лит. (*nam*)-*iē* только к балт. *-*ei* последнее в аблаутном отношении отличается от сл. *-*oi* > ст.-сл. (*rab*)-*ě* (местн. п. ед. ч.), но такое отличие нас не должно смущать: 1) ср., напр., лит. *t-ie-mus* „тем“ (дат. п. ед. ч.) < *-*ei*- (= др.-прусс. *st-ei-mans*) и сл. *-*oi*- > ст.-сл. *t-ě-mъ* и др. и т.п., 2) имеются все основания полагать, что в прабалтийских (и не только в прабалтийских!) диалектах существовали *o(o/e)*-основные окончания и *-*ai* (<и.-е. *-*oi*), и *-*ei* (< и.-е. *-*ei*)²⁴.

Нам кажется, что литовский *ie* в конце слова — любой исходный лит. *ie* восходит только к балт. *-*ei* (а не и к балт. *-*ai*)²⁵. В пользу такого возведения говорит, прежде всего, важнейший аргумент плана внутренней реконструкции: окончание балт. *(*vilk*)-*ai* (им. п. мн. ч.) перешло в лит. (*vilk*)-*ai*, а не в *(*vilk*)-*ie*, хотя условия в данном случае для перехода балт. *-*ai* в лит. *ie*, казалось бы, являются наиболее

²³ J. Endzelins, op. cit., 83.

²⁴ V. Mažiulis, op. cit., 127 сл.сл.

²⁵ Op. cit., 135 сл.сл.; ср. J. Kazlauskas, — *Baltistica IV* (1968) 127—129.

благоприятными²⁶. Основным контраргументом против возведения любого исходного лит. *ie* только к балт. **ei* служит, по сути дела, лишь следующее: исходя из *ā*-основного ст.-сл. (*roc*)-*ě* (им.-вин. п. дв. ч.) < сл. **-oi*, хотелось бы и лит. (*rank*)-*i* (им.-вин. п. дв. ч.) < **-ie* возводить не к балт. **-ei*, а к балт. **-ai*. Отсюда общеизвестная гипотеза, возводящая данное лит. **(rank)-ie* к балт. **-ai* (см. и автора „Грамматики“, стр. 97 сл.). Однако такая гипотеза опирается на славянском материале, а не на внутренней реконструкции. Нет сомнения, что окончание лит. (*rank*)-*i* (им.-вин. п. дв. ч.) < **-ie* генетически это — одно и то же, что лит. (*dv*)-*i* „две“ (им.-вин. дв. ч. женск. р.) < **-ie*. Имеется серьезное основание считать, что данное лит. **(dv)-ie* [= лит. **(rank)-ie*] непосредственно восходит не к балт. **-ai* (= ст.-сл. *dъv-ě* = *rǫc-ě* < сл. **-oi*), которого мы так же не отрицаем (см. ниже), а к балт. **-ei* (= лит. **dv-ie* = **rank-ie*): на это указывает то обстоятельство, что литовский имеет только (*dv*)-*ei* (= *dv-ěj-os*, *dv-ěj-etas*, *dv-ei-gỹs* и т. п.), а славянский — **(duv)-oi-* (= ст.-сл. *dъv-oj-e* и т. п.)²⁷. Возведя лит. **(rank)-ie* = **(dv)-ie* только к балт. **-ei*, далее, считаем, что данное балт. **-ei* все же не является общебалтийским, — оно нефонетически (т.е. не чисто фонетически) восходит к более древнему — общебалтийскому балт.

²⁶ Ср. соответственно сказанное: J. Kuryłowicz, — BPTJ XV (1956) 121.

²⁷ V. Mažiulis, op. cit., 183 (сноска № 1).

**-ai* (= ст.-сл. *rǫc-ě* и т. п.)²⁸. Следовательно, основной аргумент, выдвигаемый против возведения любого исходного лит. *ie* только к балт. **ei*, не может считаться сильным. Еще более сомнительными являются остальные аргументы, выдвигаемые против того, что любой исходный лит. *ie* восходит только к более древнему балт. **ei*²⁹. Что же касается происхождения неисходного лит. *ie*, то в данном случае наше мнение, коротко говоря, довольно близко к мнению Й. Казлаускаса, который довольно убедительно показал целесообразность возведения и этого лит. *ie* только к балт. **ei*³⁰.

В конце хотелось бы подчеркнуть, что вышеизложенные замечания касаются тех балто-славянских проблем, которые, как известно, являются спорными и на окончательное их решение, разумеется, не претендуем и мы. При учете этого обстоятельства и того, что в рецензируемой работе подобные проблемы все же не являются предметом специального рассмотрения, становится еще более очевидным, что „Русская историческая грамматика“ Валентина Кипарского, прекрасного знатока истории русского и других славянских языков, это — большое научное достижение, весьма полезное не только для тех, которые хотят основательно познакомиться с исторической грамматикой русского языка, но и для тех, которые ее исследуют.

V. Mažiulis

²⁸ Op. cit., 181—183.

²⁹ Ср. и J. Kazlauskas, — Baltistica IV (1968) 129.

³⁰ Op. cit., 125—127.

Dr. Petras Jonikas, Lietuvių bendrinės rašomosios kalbos kūrimasis antroje XIX a. pusėje, Čikaga, 1972, 334 p.

Lietuvių nacionalinės literatūrinės kalbos (ankstesniu terminu — lietuvių bendrinės kalbos) kūrimosi tyrimas yra vienas iš aktualiųjų lietuvių kalbos istorijos uždavinių. Iš vienos

pusės, aktualus dėl to, kad šios kalbos kūrimosi procesas ir ligi pastarųjų laikų dar nėra susilaukęs visapusiškos lingvistinės analizės (ligšioliniai tyrinėjimai lietsdavo tiktai atskirus kūri-